

Аркадий Островский
**ГОВОРИТ
И ПОКАЗЫВАЕТ
РОССИЯ**

Путешествие из будущего в прошлое
средствами массовой информации

Авторизованный перевод с английского
Татьяны Азаркович

издательство **АСТ**
Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Советские вельможи

“У нас еще много времени”

Вечером 25 декабря 1991 года без пяти минут семь Михаил Горбачев быстрым шагом прошел по кремлевскому коридору в комнату № 41, заполненную фотоаппаратами, осветителями, звукоинженерами и операторами, которым предстояло запечатлеть последнюю речь президента СССР. В руках у него были текст его выступления и указ о сложении с себя полномочий президента СССР и главнокомандующего его вооруженными силами. Горбачев сел за стол, отложил в сторону бумаги и взглянул на часы. “О, у нас еще много времени”, — сказал он сам себе. Иронии никто не оценил. Через минуту Советский Союз станет историей, а вместе с ним — и его президент.

Пока все ждали, когда часы покажут ровно семь, у стола возник энергичный, крупный, седой человек с волевыми, почти патрицианскими, чертами лица. Он наклонился к Горбачеву и уверенно произнес: “Не подписывайте ничего сейчас. Прежде всего [вы скажете]: «Я хочу подписать указ о сложении с себя полномочий». Камера наезжает... отъехала... потом начнете”. Человеком, случайно попавшим в кадр, был Егор Яковлев, руководитель советского телевидения и бывший главный редактор “Московских новостей” — важней-

шей перестроечной газеты. Именно он убедил Горбачева в том, что его последние дни на посту президента СССР должны быть сняты советскими и американскими телевизионными группами. Результатом съемок должен был стать документальный фильм “Уход”.

Последний час перед записью отречения Яковлев и Горбачев провели вместе, но сейчас Горбачев смотрел на него так, будто видел впервые. Пролистав лежавшие перед ним бумаги, Горбачев сказал: “Я его просто подпишу, да и все, и будем двигаться”. Затем резко повернулся к своему пресс-секретарю, Андрею Грачеву, взял ручку и попробовал ее на чистом листе бумаги. “Лучше бы помягче”, — сказал Горбачев¹. Президент телекомпании CNN, прилетевший в Москву, чтобы взять интервью у Горбачева в последний день его пребывания на посту, протянул ему свою шариковую ручку *Montblanc*. Горбачев взял ее и размашисто подписал свой последний указ. Часы пробили семь, и Горбачев начал свое выступление. “Его голос поначалу звучал глухо и неестественно. Было ощущение, что он вот-вот может дрогнуть, как и его подбородок,” — рассказывал Грачев; но постепенно голос окреп².

Как вспоминает один из присутствующих, когда Горбачев закончил речь, около него вновь появился Егор Яковлев. Ему показалось, что Горбачев говорил недостаточно уверенно, и он предложил записать речь заново. Горбачев изумился: предложение Яковлева было не только бестактным, но и абсурдным. Историческое событие — это не цирковой номер. Его нельзя отрепетировать или повторить, как нельзя “перезаписать” развал империи. Развевавшийся над Кремлем флаг СССР был спущен навсегда, его место занял российский триколор.

Советского Союза на карте мира больше не было. Через несколько минут Горбачев передал “ядерный чемоданчик”

¹ Грачев А. С. *Кремлевская хроника*. М., 1994. С. 392.

² Там же.

Ельцину. Российские журналисты быстро потеряли интерес к бывшему президенту. Парадокс, но в фильме об уходе Горбачева рассказчиком выступил американский журналист Ричард Каплан, а сняла его команда телекомпании NBC, которую привлек Яковлев и которая дневала в Кремле, пытаясь запечатлеть все, что касалось последних часов Горбачева у власти. Как записал в своем дневнике помощник Горбачева Анатолий Черняев, “если б не это — остался бы М. С. в информационной блокаде до самого своего конца в Кремле. Но и это — симптоматично — позорно для нас, что только западные ТВ-журналисты вертелись вокруг него, олицетворяя ту значимость Горбачева для всего мира, которую западная общественность ему справедливо придает”¹. Причиной этому было не только разное отношение к фигуре Горбачева, но и разное понимание того, что считать историческим событием. В советском сознании историческое значение того или иного события определялось государством и его идеологией. Для западных СМИ личность важнее идеологии. Горбачев для них был фигурой исторической и во многом трагической. Для советских граждан к концу своего правления он стал фигурой мало значимой.

Спустя несколько часов, когда Кремль опустел и свет в окнах погас, Горбачев и еще пятеро человек собрались в Ореховой комнате за скромным ужином, напоминавшим скорее поминки. Одним из этих людей был Александр Яковлев.

Его роль в трансформации СССР уступала разве что роли самого Горбачева, а возможно, даже была ей равнозначна. Он был идеологом и духовным лидером гласности. Занимая один из ключевых постов в Политбюро ЦК КПСС, Яковлев формально отвечал за пропаганду и идеологию, но по сути именно он похоронил и то, и другое, освободив информацию от контроля государства. В отличие от эконо-

1 Черняев А. С. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991*. М., 2008. С. 477.

мической части горбачевских реформ, гласность сработала и во многом и привела к развалу советской империи. Она освободила СМИ от идеологических установок, разрушив один из важнейших элементов советского строя — ложь.

Отношения Александра Яковлева с Горбачевым были сложными, часто напряженными. Несмотря на то, что он не отвернулся от Горбачева в самые трудные минуты, тот не пришел проститься с Яковлевым после его смерти. Незадолго до “отречения” Горбачева Яковлев выступил в качестве посредника между последним президентом СССР и первым президентом России Ельциным. В своих мемуарах он вспоминал о впечатлении, которое оставил Ельцин: “Это шел победитель” — так Яковлев говорил о Борисе Ельцине, который шагал по кремлевскому коридору твердо, решительно, “словно на плацу”.

Проводив взглядом Ельцина, Яковлев пошел в кабинет Горбачева и застал его лежащим на кушетке.

“В глазах стояли слезы. «Вот видишь, Саш, вот так», — говорил человек, может быть, в самые тяжкие минуты своей жизни, как бы жалуясь на судьбу и в то же время стесняясь своей слабости... Как мог, утешал его. Да и у меня сжималось горло... Душило чувство, что свершилось нечто несправедливое. Человек, еще вчера царь кардинальных перемен в мире и в своей стране, вершитель судеб миллиардов людей на Земле, сегодня — бессильная жертва беспощадного каприза истории”¹. Ирония заключалась в том, что маховик этой истории раскрутили как раз Горбачев и Яковлев.

За ужином в Кремле рядом с Александром Яковлевым сидел Егор Яковлев, его тезка. Несмотря на одинаковую фамилию, их редко путали друг с другом. Старшего Яковлева всегда называли Александром Николаевичем, а младшего — просто Егором, редко добавляя отчество и часто не упоминая фамилию. Даже в собственных некрологах он остался про-

¹ Яковлев А. Н. *Омут памяти*. М., 2001. Т. 2, с.83.

сто Егором. Это отлично отражало его статус человека-легенды: не главный редактор “Московских новостей”, а просто — “главный редактор”. В журналистской среде ходили и до сих пор ходят легенды о его обаянии и таланте; о том, как он выращивал авторов; о том, как покорял женщин; о том, как быстро увлекался людьми и так же быстро в них разочаровывался; о его деспотичных замашках и энергии.

Двух Яковлевых не связывали узы родства, но душевная связь между ними безусловно была. Для Егора Александр Николаевич, или просто “дядя Саша”, был кем-то вроде ангела-хранителя либо приемного отца. Он позволял Егору раздвигать границы дозволенного и приходил на помощь, когда тот эти границы переходил. Разница в возрасте между ними составляла всего семь лет, но они принадлежали к разным поколениям, разделенным опытом войны. Александр родился в 1923 году и, в отличие от Егора, воевал. Но закончили свою жизнь они почти одновременно: Егор умер 18 сентября 2005 года. Александр Николаевич — ровно месяц спустя. Горбачев, который считал Егора одним из самых близких своих друзей — “близких по духу, по отношению к жизни и к людям”, — говорил с не обычной для политика искренностью: “Все что делал Егор, вся его жизнь — это своего рода камертон, по которому люди проверяют себя”. Его “Московские новости” были газетой, которая испытывала советскую идеологию на прочность.

Советская система держалась на двух опорах — идеологии (пропаганде) и насилии, которые создавали напряжение и усиливали друг друга по принципу арочной конструкции: пропаганда оправдывала насилие, насилие поддерживало ложь и пропаганду.

Никита Хрущев, пришедший к власти после смерти Сталина, репрессии ослабил, сделав ставку не на насилие, а на идеологию и пообещав построить коммунизм к 1980 году. Писателям и пропагандистам он отводил роль

не менее, а может, и более существенную, чем службам госбезопасности. Выступая в 1957 году на совещании советских писателей, Хрущев заявил: “Как солдат не может воевать без патронов, так партия в идеологическом вопросе не может воевать без печати. Печать — это наше главное идейное оружие, и мы не можем отдать его в руки ненадежные, это должно быть в руках самых верных, самых надежных, которые действительно стреляли бы из этого оружия и разили бы насмерть врагов рабочего класса”¹.

К 1980 году идеология совершенно выдохлась. Экономика вошла в длительную стагнацию, а мечта о прекрасном будущем стала предметом анекдотов. Один из ведущих советских журналистов перестроечной эпохи Александр Бовин, писавший до этого речи Леониду Брежневу, вспоминал: “Только ложь, конечный продукт идеологов, обеспечивала эффективность насилия (актуального или потенциального), на котором держалась система”². Страх подерживался не массовым террором, а ограниченным насилием, направленным главным образом против диссидентов. Когда из-под системы выбили вторую опору — тотальную ложь, — она рухнула, похоронив под собой тех, кто взялся ее реформировать. Обвал СССР определялся не столько экономическим упадком, революционными настроениями в центре (они проявлялись слабо) или борьбой за независимость на периферии империи, а крушением идей. Без лжи Советский Союз не мог сохранить легитимность. Властные элиты больше не видели необходимости защищать строй, ущемляющий их личный комфорт и препятствующий росту их благосостояния. Пропагандистская машина, однако, остановилась не случайно и не в один день. Как написал в своих мемуарах Отто Лацис, видный экономист и журна-

1 ХРУЩЕВ Н. С. *Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева*. М., 2009. Т.2, с. 465.

2 БОВИН А. Е. *XX век как жизнь*. М., 2003. С. 108.

лист той поры, друг Егора Яковлева и один из постоянных авторов “Московских новостей”, это было “тщательно спланированное самоубийство”¹.

Решающий удар нанесли не диссиденты (хотя их деятельность, безусловно, подрывала режим), а люди, контролировавшие СМИ. Горбачев нес знамя перестройки, но лозунги и призывы на нем писали Александр Яковлев и его команда журналистов и редакторов, в том числе Егор и Лацис.

Как сформулировал сам Егор, “это был совершенно потрясающий период. Все газеты, хором, требовали ликвидации этого государства, этого строя. А в то же время все газеты прекрасно жили за счет денег, которые давало государство, и получалось, что государство оплачивало создание общественного мнения, направленного на его уничтожение”². Напрашивается вопрос: почему едва ли не самые привилегированные в стране люди пошли на это “самоубийство”? В своих мемуарах Александр Яковлев записал:

Я часто спрашивал себя: зачем тебе все это было нужно? Ты член Политбюро, секретарь ЦК, власти — хоть отбавляй, всюду красуются твои портреты, их даже носят по улицам и площадям во время праздников. Какого рожна еще-то надо?

Но мучило меня совсем другое. Многие годы я предавал самого себя. Сомневался и возмущался про себя, выискивая всяческие оправдания происходившему вокруг, чтобы утихомирить ворчливую совесть. Все мы, особенно номенклатура, так и жили двойной, а вернее, тройной жизнью. Думали — одно, говорили — другое, делали — третье. Шаг за шагом подобная аморальность становилась образом

¹ Лацис О. Р. *Тщательно спланированное самоубийство*. М., 2001. С. 64.

² Документальный фильм “Хвост кометы”, Москва, ТВС, 2003. Я приношу свою благодарность Сергею Костину за возможность ознакомиться с полной записью его интервью с Егором Яковлевым.

жизни, получила индульгенцию и стала именоваться нравственностью, а лицемерие — способом мышления¹.

Эти люди не были еретиками, напротив, многие искренне верили в социализм: они изучали его “священные тексты”, поклонялись его богам и отправляли все требуемые обряды. Их перестроечный запал был не кризисом веры, а горячим желанием очистить подлинную идею от бюрократических наслоений. Александр Яковлев называл перестройку реформацией. Подобно европейским протестантам XVI века, новые реформаторы восстали против духовенства, извратившего изначальное учение.

Они боролись с коррумпированной номенклатурой, вооружившись томами Ленина и требуя “Больше социализма!”. Они верили в идеалы справедливости и равенства, надеясь сделать существующий строй более гуманным и нравственным. За любые другие стремления их ждала бы участь советских диссидентов, которых лишали работы, а иногда и свободы, отправляя в тюрьмы и психиатрические лечебницы. Риторика реформаторов укладывалась в стилистические нормы советского языка. Отступление от канонов, нарушение стиля вызывало гораздо более сильную отрицательную реакцию со стороны системы, чем ее критика, выдержанная в рамках принятых языковых и стилистических конструкций. Литературовед и писатель Андрей Синявский, приговоренный к семи годам колонии за антисоветскую пропаганду, говорил, что его “расхождения с советской властью — чисто стилистические”. Для поколения коммунистов-реформаторов несогласие с советским строем носило этический характер.

1 Яковлев А. Н. *Омут памяти*. М., 2001. Т. 1, с. 447.